

«НА СМЕНУ!»

Творческий портрет режиссера

НЕУСПОКОЕННОСТЬ

ЧЕЛОВЕК, которому сопутствует успех, обретает уверенность. Окрыленность успехом звучит в интонациях его голоса, читается в жестах. Отпечаток уверенности — на взглядах и суждениях его.

Режиссеру Феликсу Григорьяну с первых его самостоятельных шагов в театре сопутствует успех. Его дипломный спектакль «Просто ужас!» на сцене Свердловского ТЮЗа многократно отмечался на совещаниях и конференциях театральных работников, на смотре детских театров страны. «Мистерия-Буфф», поставленная в содружестве с поэтом Германом Дробизом, вызвала живой интерес и искреннюю доброжелательность зрителей и общественности города. «Мужчина 17 лет» идет при неизменных аншлагах.

К мнению Григорьяна прислушиваются коллеги-режиссеры. Актеры относятся к нему с признательностью.

Впрочем, успех — слово многозначное. Есть в нем что-то дежурное, что-то бесконфликтное. Может быть, потому, что синонимами к этому слову «устроились» и легкая случайная победа, и дешёвая популярность, и солидное благополучие. К подобному успеху ведут проторенные пути.

Феликс Григорьян предпочитает дороги поухабистей. Его дипломный спектакль был неожиданным. Хотя, казалось бы, ничего неожиданного не может быть в мажорном настроении детской комедии, в ее ненавязчивой поучительности. Все это — по непреложным законам детского театра.

Режиссер построил спектакль (речь идет о спектакле «Просто ужас!») в подчеркнуто-условной манере. Причем условности этой он добивался с пунктуальной последовательностью: в декорациях, костюмах, гриме, в музыке, в пластике и сценическом ритме, в манере исполнения у актеров. Спектакль получился цельным, ансамблевым (к сожалению, в это входит характер неожиданности, не так часто мы можем сказать о каком-то спек-

такле, что он — ансамблевым). Но эффект заключался в том, что, взяв за основу сугубо условную манеру поведения, актеры шли от глубокой жизненной правды, от немаловажных и непростых проблем. Нешуточная трагедия мальчика Гриши, принявшего по воле глупых фей облик взрослого человека, его искренняя растерянность перед жизнью, сменившая безмерную самоуверенность, прозвучали как диссонанс внешней форме спектакля. И от этого проблемы как-то удивительно выделились, подчеркнулись.

Первой же работой в Свердловском ТЮЗе режиссер как бы заявил, что хочет говорить со зрителем о проблемах злободневных и постарается избежать привычного, банального языка.

Вероятно, образ режиссера-гражданина предстал бы более или менее ярко, если подробно разобран круг идей, которыми Григорьян жил в период студийной работы над пьесой Отченашека «Ромео, Джульетта и тьма». Но этот интересный, умный, глубокий спектакль почти не знают зрители — прошел он всего шесть раз, а после «исчез» из репертуара, оставив в душе исполнителей и режиссера недосказанную боль.

Потом началась «Мистерия...»

Невольно вспоминаются все недавние, большей частью случайные и беспорядочные разговоры с Феликсом Григорьевичем. О театральных событиях, о древней русской живописи, о фантастике Брэдбери, о личности современного интеллигента. В таких разговорах ассоциации возникают самые вольные, и переключение с предмета на предмет происходит легко и вроде бы нелогично. Но вспоминая эти разговоры, я вдруг улавливаю четкую логику собеседника. Все они объединяются напряженным, острым беспокойством за то, каким будет завтрашний день. Каким сделаем его мы. Здесь

важно все — взаимопонимание поколений: тех, кто переносил землю на плечах своих, роя котлованы для будущих заводов, и тех, кто сейчас управляет на этих заводах автоматами.

Критиками не был разобран подробно спектакль «Мистерия-Буфф» (несмотря на доброжелательное отношение к нему). Были в этой работе режиссера и сценариста видимые просчеты. Но спектакль нельзя было смотреть без волнения: в нем ощущался живой нерв, боль за историю, боль за сегодняшний день, острая ненависть к Фашизму и спекулятивной политике «Запада». Нерв этот пульсировал в точных ритмах спектакля, жил в образах, созданных актерами. И здесь снова нельзя было не заметить абсолютной ансамблевости спектакля. Гротеск и плакатность — так коротко можно охарактеризовать манеру сценического действия. Спектакль «Мистерия-Буфф» нашел своих приверженцев. Они оценили его за взволнованность и за поиск. Нам симпатичен поиск. Но можем ли мы понять, что значит для творческого человека поиск, не завершившийся, с его точки зрения, значительными находками? Это новые — наедине с собой — мучительные дороги к исходу, это тысячи возвращений к пройденному.

В последние годы все чаще говорят о тревожной тенденции, когда молодые режиссеры стремятся к самовыражению через яркую форму спектаклей, через точное построение мизансцен, забывая о психологической глубине, забывая о «святой святых» театра — об актере.

Ф. Григорьяна нельзя упрекнуть в равнодушии к актерам. Нет нужды ссылаться на несовершенство пьесы Дворецкого «Мужчина 17 лет» — в спектакле Ф. Григорьяна оно мало ощутимо. Оправданы все поступки действующих лиц, все события сведены к единой задаче. Молодые люди ищут свои идеалы в жизни — в творчестве, в дружбе, в любви. Без

идеалов нет в жизни ничего святого, ничего значительного, ничего серьезного. И ни остроумие, ни внешний лоск не смогут прикрыть душевного убожества человека, если у него нет идеалов. Почти каждый из участников спектакля заслуживает подробного разговора, почти в каждом образе есть своя тема, своя неповторимость. И, наверное, возникнут такие разговоры в дни смотра театральной молодежи, и будут предметом обсуждения образы, созданные И. Носоновым, Ю. Алексеевым и другими участниками спектакля. Самым ярким результатом содружества режиссера и актера представляется работа М. Соловьевой. За последние годы роль Лены — самое большое творческое достижение актрисы. Можно не бояться сказать больше. Можно сказать, что М. Соловьева заново открыла и обрела себя в спектакле «Мужчина 17 лет». Ее Лена — живой, непосредственный и очень симпатичный человек. Искренний в дружбе. Цельный, несмотря на видимую неустроенность. Сложный — вопреки внешней прямолинейности. Органичность, обаяние — все лучшие эпитеты можно, не смущаясь, отнести к этой работе.

Понять актера, «раскрепостить» его индивидуальность дано не каждому режиссеру.

Каждый из спектаклей, созданных Ф. Григорьяном, отличает особая, только для этого произведения, для этой темы подходящая интонация. Это как песни — одну исполняют шуточно, другая звучит торжественно, а третью надо петь мягко, вполголоса. Интонация каждого спектакля нас захватывает. А режиссер мучается недосказанным. Каждым новым спектаклем он говорит о том, о чем еще не говорил прежде. И теперь, когда прошло уже много времени после первой встречи с режиссером, зрители привыкли ждать его работ — ждать разговора умного, глубокого, важного.

Г. МУРЗИНЦЕВА.

На снимке Н. МЕДВЕДЕВОЙ: сцена из спектакля «Мистерия-Буфф».

